

Вперегонки со временем

*На вопросы журнала отвечает академик Российской академии наук
ТАТЬЯНА ЗАСЛАВСКАЯ*

«ОНС» Создание на заре перестройки Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) стало знаменательной вехой в изучении общественного мнения на территории нашей страны. Сегодня этим занимается масса институтов, центров, исследовательских групп. Результаты различных опросов населения постоянно публикуются в прессе. Значение таких исследований особенно возрастает в кризисную эпоху, переживаемую нами сегодня. Нам важно знать, как в действительности общество относится к проводимым преобразованиям. Реформаторы должны обладать достоверной «обратной связью», чтобы не допустить социального взрыва. Для этого важно знать общественное мнение. Но что это такое?

Т. 3. Ваш вопрос напомнил мне признание Элизабет Ноэль-Нойман — одной из первых и ведущих исследовательниц общественного мнения. В одной из своих последних книг она пишет, что изучила более тысячи определений общественного мнения, имеющихся в литературе, и единственный вывод, который смогла из этого сделать, состоит в том, что общественное мнение относится к явлениям, однозначно неопределимым. Есть множество его пониманий.

Мне представляется разумной трактовка понятия «общественное мнение» в широком и в более узком смысле. Общественное мнение в широком смысле — это совокупное суждение по поводу определенных явлений, событий, фактов, разделяемое какими-то группами или общностями. Оно существует в любом обществе, хотя формируется в разных пространственных границах, проявляется в разных формах и на разных уровнях общественного сознания. Степень его развития является важным показателем цивилизованности и демократичности общества, развития в нем гражданских и политических свобод. В более узком и точном смысле общественное мнение — это политический институт, который устойчиво и эффективно участвует в осуществлении власти и в механизме принятия решений на всех уровнях общественной иерархии. Общественное мнение в узком смысле может существовать и не существовать. Оно отсутствует, когда индивидуальные и групповые мнения слишком дифференцированы и ни одна из позиций не доминирует над другими или основная часть населения вообще не имеет мнения по тому или иному вопросу. Согласно рабочему определению, используемому в работе ВЦИОМ, общественное мнение — это совокупность господствующих в определенных общественных группах (или во всем населении страны) оценочных суждений об актуальных вопросах жизни, которые (суждения)

оказывают существенное влияние на поведение и взаимодействие групп, а соответственно, и на развитие социальных процессов.

«ОНС» А как бы вы могли в этой связи прокомментировать утверждение Бориса Грушина, согласно которому у нас не существует общественного мнения?

Т. З. Это действительно идея, проходящая через всю жизнь Бориса Андреевича. Правда, мне кажется, что она не совсем увязывается с тем, что именно он был инициатором изучения общественного мнения у нас в стране еще в начале 60-х годов и продолжает заниматься этим и сегодня. Поэтому я все-таки думаю, что и сам он не до конца верит в свой тезис. Ведь можно было бы заниматься этим год, два, три, а затем, убедившись, что самого предмета исследования нет, прекратить эту деятельность. Думается, неправомерно говорить об отсутствии общественного мнения на том основании, что нет какого-то единого, преобладающего, общепринятого мнения по актуальным вопросам, прежде всего в политической и экономической сферах. Изучение мнений, взглядов вовсе не предполагает единство этих взглядов у большей части общества. Достаточно, чтобы какое-то мнение преобладало в определенной группе людей. В среде предпринимателей, скажем, по многим вопросам преобладает одно мнение, отличающееся от мнения, сложившегося, например, в среде пенсионеров. Даже не интересно было бы изучать некое единственное мнение. Да такая ситуация, по сути, нереальна.

Но, конечно, соображения Грушина относятся не столько к наличию, сколько к *качеству* общественного мнения, которое принято измерять его компетентностью (т. е. обоснованностью и аргументированностью суждений), устойчивостью (неподвластностью каким-то колебаниям в зависимости от небольших событий), интенсивностью (готовностью активно отстаивать свои мнения). С точки зрения этих характеристик общественное мнение в нашей стране, конечно, является еще «молодым». Нормальная среда для формирования общественного мнения появилась у нас лишь с началом гласности. Ведь компетентное, устойчивое, надежное общественное мнение вырабатывается прежде всего в процессе открытых дискуссий. И хотя восемь лет, которые прошли с 1985 года,— период исторически небольшой, по многим вопросам мнения у нас в достаточной степени сформировались.

«ОНС» Это подтверждают исследования, которые проводит ВЦИОМ?

Т. З. Конечно. Хотя исследования ВЦИОМ, строго говоря, не являются исследованиями только общественного мнения. Это социологические исследования, которые определенным образом организованы, что позволяет ВЦИОМ стать подлинной «фабрикой информации». Именно в организации исследований, как мне кажется, состоит основное отличие ВЦИОМ от таких крупных научных центров, как, например, Институт социологии РАН и др. Мы имеем возможность проводить не меньше двух-трех крупных общероссийских исследований в месяц и получать результат по более простой технологии уже через 25 дней после опроса, а по самой сложной и надежной технологии — в течение двух-двух с половиной месяцев. Другие отечественные институты пока этого делать не могут: для этого у них нет достаточной технологической и организационной базы.

В своих работах, как я уже сказала, ВЦИОМ выходит далеко за рамки изучения общественного мнения. Нас интересуют, например,

сведения фактографического характера, очень важные для анализа хода реформ. В наших анкетах, например, есть такая пара вопросов: «Какие из названных далее продуктов есть в свободной продаже в вашем городе?» и «Какие из этих продуктов есть сегодня в вашем холодильнике?». То есть мы интересуемся тем, что реально происходит с людьми. Нас интересует также их поведение — реальное и прожективное, ценностные ориентации, установки и пр. Все это, конечно, не подпадает под определение изучения общественного мнения.

«ОНС» Но если вернуться к теме изучения общественного мнения, ваши исследования могут свидетельствовать о том, что в нашем обществе уже сложились достаточно устойчивые взгляды, мнения, суждения по основным политическим и экономическим проблемам?

Т. 3. Наши исследования часто повторяются, носят мониторинговый характер. Мы стремимся отслеживать динамику процессов и видим, что устойчивость мнений и установок населения достаточно высока, мелких колебаний весьма мало. И вместе с тем по ряду чрезвычайно важных вопросов наблюдается существенная динамика. Она носит постепенный характер, что говорит о закономерности сдвигов. Это можно проиллюстрировать примером отношения людей к безработице. Когда мы впервые на рубеже 1988—1989 годов поставили этот вопрос, суждение о том, что безработица у нас невозможна и недопустима, высказали 58% опрошенных, а сейчас в нашем последнем опросе таких было только 32%. За прошедшие годы сильно изменилась наша жизнь, и постепенно, но неуклонно менялось и мнение, т. е. идет определенная перестройка сознания людей. Причем, если мы посмотрим, в каких группах продолжают господствовать прежние взгляды, то увидим, что прежде всего это люди старшего поколения — пенсионеры, люди предпенсионного возраста, сознание которых сформировалось в условиях государственного социализма. Можно привести и другие примеры, но тенденции те же.

«ОНС» Изучением общественного мнения занимаются сегодня многие организации. Причем результаты их исследований, как правило, сопоставимы, что свидетельствует об отработанности методик опросов. Но очень часто одни и те же данные по-разному интерпретируются, что сказывается на анализе результатов.

Т. 3. Иначе и не может быть. Никто не может лишить ученого права на интерпретацию. Одни и те же данные, в принципе, можно проинтерпретировать по-разному, как в анекдотах об оптимистах и пессимистах. По сути, исходные позиции автора — главный критерий интерпретации.

Тот норматив, ту шкалу, с помощью которых можно измерить то или иное явление, ученый оставляет внутри себя. При этом он сам их выбирает и часто даже не обосновывает. В связи с этим начинают использоваться такие слова, как «всего», «лишь», «целых» и т. п. Допустим, получены данные, что в забастовках готовы принять участие 20% работающих. Можно сказать, что это «всего лишь» 20%, что напряжение составляет «только» 20%, а это не так много, если учесть, что заявлять о готовности — только слова, а реально его приведут в исполнение немногие, и большинство их не поддержит. Но можно дать совсем другую трактовку: «Представляете, насколько велика социальная напряженность, если каждый пятый готов бастовать!».

Более того, сами критерии могут меняться со временем. Сейчас все мы озабочены падением уровня жизни. В докладе Отделения экономики РАН приводится одно любопытное наблюдение. Согласно признанию российского правительства, в конце 1992 года уровень жизни составил 55% от уровня жизни 1991 года. Тем самым оно констатировало тяжесть положения, но и только! В то время как, согласно более ранним заявлениям представителей того же правительства, предел допустимого снижения уровня жизни — 30%, после этого неизбежен социальный взрыв.

«ОНС» Но нередко применительно к конкретным вопросам у нас просто нет объективных критериев.

Т. 3. Да, в оценках политической ситуации мы часто не можем достаточно достоверно оценить, что хорошо, а что плохо. Например, исследования рейтингов ведущих политиков ведутся у нас лишь несколько лет, и здесь точных критериев мы пока не выработали. Можно делать сравнения с прошлым. Так, рейтинг Б. Ельцина в августовские дни 1991 года был на уровне 80—90%, а сейчас его рейтинг равен 25—30%, т.е. приближается к рейтингу М. Горбачева перед его уходом в отставку. С чем здесь сравнивать: с предыдущим рейтингом самого Ельцина или с рейтингом Горбачева? И как оценивать такое падение — «плохо, но относительно терпимо» или «катастрофично»? Можно сравнивать с данными других стран. Например, когда рейтинг Ельцина упал до 40—45% и довольно долго держался на этом уровне, мы сильно забеспокоились, сравнивая его с предыдущими 80%. Но наши западные коллеги говорили, что такие опасения напрасны, у них это достаточно высокий рейтинг.

«ОНС» Но тогда и 25—30% может быть тоже не так плохо?

Т. 3. Мы этого действительно пока не знаем. Но в данном случае мы имеем дело со сферой, где хоть какие-то критерии существуют. А в большинстве случаев все действительно зависит от интерпретации. В таких ситуациях перед заказчиком встают вопросы, с одной стороны, доверия (какой группе ученых он доверяет), а с другой — сопоставления предоставляемых ему результатов и собственных выводов (т.е. должна быть проведена дополнительная аналитическая работа).

«ОНС» Помимо названной вами склонности к оптимизму и пессимизму сказываются, например, политические симпатии, принадлежность к той или иной экономической школе и т.п.?

Т. 3. Они обязательно накладывают какой-то отпечаток. Если среди обществоведов и есть абсолютно беспристрастный человек, то он, по-моему, вряд ли станет заниматься изучением общественного мнения. Таким людям ближе история социологии или методология. Конечно, большинство из нас, изучающих общественное мнение, субъективно стремится быть беспристрастным, но человек, как мне кажется, по природе своей не может быть до конца объективным. Но просто где-то есть естественная граница: что-то кажется тебе очевидным, бесспорным, не нуждающимся в доказательстве, но это совсем не значит, что оно очевидно другим.

«ОНС» И очевидное, например, для меня, отнюдь не означает истинное.

Т. 3. В том-то и дело. Мне, например, очевидны недопустимость и вред национализма, а «национал-патриотам» столь же очевидна пагубность ориентации России на общечеловеческие ценности. Здесь сказывается различие ценностных ориентаций. Но я не вижу в этом драмы. Просто аналитически мыслящий человек должен сопоставлять разные взгляды и выбирать то, что считает наиболее правильным. Тем более, что, как мы говорили, данные опросов более или менее совпадают. Такова основная тенденция, хотя бывают и поразительные выбросы. Но, по-моему, это всегда связано с очень крупными нарушениями методологии.

«ОНС» Или с «вменением» нужного ответа самой постановкой вопроса?

Т. 3. Я знаю, что такие обвинения иногда раздаются и в адрес ВЦИОМ. Например, когда мы из всего спектра возможных ответов называем лишь несколько. Конечно, есть строка «другое мнение, что именно», но данный ответ требует больше работы. Поэтому часто люди выбирают «затрудняюсь ответить». Недавно на «круглом столе» по политической социологии вновь ставился вопрос о необходимости создания профессиональной ассоциации исследователей общественного мнения, которая объединила бы по крайней мере руководителей занимающихся этим центров. Ведь сегодня 300 таких центров существуют только в Москве. И качество исследований не всегда безупречно. Иногда просто поражаешься, какая информация проходит в прессе или по телевидению. В целом же, повторю, самыми разными исследовательскими группами получены данные, свидетельствующие об устойчивых позициях, воззрениях, точках зрения людей, о наличии общественного мнения.

«ОНС» Вы ответили на парадоксальное утверждение Б. Грушина. Мне вспомнилось еще одно утверждение, расходящееся с общепринятым. Считается, что у нас в стране лишь зарождается гражданское общество. Между тем французский политолог и экономист Ги Сорман, основываясь на том, что у нас всегда существовало молчаливое неприятие коммунистического режима, утверждает: «... тоталитарная воля компартии никогда не сумела уничтожить гражданское общество»¹. Справедливо ли такое заявление?

Т. 3. Думаю, истина лежит где-то посередине. Я не принимаю утверждения, что у нас совсем не было гражданского общества. Оно существовало, но было очень изуродовано, зажато, искажено, а поэтому принимало всякие странные, причудливые формы. Ведь у компартии с 30-х годов была явная установка на пресечение горизонтальных связей в обществе, прежде всего политических. А гражданское общество — это система горизонтальных связей самого разного рода. Конечно, такие связи, как родственные, дружеские, пресечь было невозможно. И мы знаем, что они были развиты у нас гораздо сильнее, чем в западных странах. Потому что брали на себя и те функции скрепления общества, которые обычно выполняют другие институты гражданского общества. Колоссальное значение имели личные связи. Я имею в виду отнюдь не соображения карьеры, что прежде всего вспоминают в этой связи, а просто сеть человеческого общения, развитые у нас формы взаимопомощи. И иностранцы, долгое время учившиеся или работавшие у нас, поразились той атмосфере коллективизма, взаимной

¹ Сорман Ги. Выйти из социализма. М., 1991, с. 17.

поддержки, с которыми они встречались здесь. Это были как бы компенсаторные явления, возмещающие отсутствие горизонтальных связей, характерных для западного гражданского общества. У нас оно было зажато, изуродовано, недоразвито, но сказать, что оно не существовало, это, по-моему, преувеличение.

«ОНС» Во всяком случае эта тема нуждается в изучении. С вашего позволения, вернемся к теме, исследованием которой вы заняты — общественному мнению. В 1992 году в стране наконец началась экономическая реформа. Вы осуществляли исследования того, как люди относятся к проводимым преобразованиям, что их тревожит больше всего?

Т. 3. Основной предмет нашего исследования — человек в изменяющемся обществе, его положение, взгляды, отношения, настроения, сдвиги в сознании и т. д. К сожалению, главным итогом прошедшего года для людей явился крупный шаг в сторону дальнейшего обнищания. Это факт, от которого невозможно уйти. Все опросы, которые мы проводили, показывают, что материальное положение примерно 2/3 респондентов все время ухудшалось, 25—30% опрошенных удерживает приблизительно тот же уровень, что и до начала реформы, а у 7—8% (это очень устойчивая цифра при любых вариантах вопросов!) материальное положение улучшилось — их доходы растут быстрее, чем цены. Это свидетельствует о том, что происходит сильное имущественное расслоение общества, в результате которого выигрывают 7—8%, прежде всего связанных с коммерческой деятельностью, а подавляющее большинство очень сильно проигрывает. Это не только самооценка людьми своего материального положения, она косвенно подтверждается и целой серией ответов на другие вопросы. В холодильниках у людей сегодня меньше продуктов, а расходы на питание все время растут, 49% опрошенных не покупали в последнее время одежду и обувь из-за отсутствия средств. Вытесняются не только покупки бытовых предметов длительного пользования, но и совершенно необходимое. Все это говорит о том, что идет абсолютное обнищание народа.

«ОНС» Вы исследуете прожиточный минимум населения?

Т. 3. Конечно. Мы проводим его «общественную экспертизу». Прежде всего анализируем то, что люди думают по этому поводу. Задаем вопрос: знакомы ли вы с понятием прожиточного минимума, если да, то что под этим понимаете — физиологический минимум или минимум социальный? Большинство, конечно, выбирает второй вариант. Затем мы спрашиваем их, каков, по их мнению, должен быть сегодня этот минимум. В конце 1992 года мы получили такие цифры: в 4,5 тыс. рублей люди оценивали физиологический прожиточный минимум, а в 12 тыс. рублей — социальный. Получается, что у примерно 80% семей доходы оказываются значительно ниже социального минимума.

«ОНС» Изменились ли за год проблемы, волнующие людей?

Т. 3. В 1991 году на вопрос о наиболее острых проблемах мы получали следующие ответы: на первом месте — дефицит продуктов питания, на втором — дефицит промышленных товаров, на третьем — высокие цены. Сейчас высокие цены не просто стоят на первом месте, их отрыв от других проблем очень велик. Дефицит, очереди — все это

отошло, потому что недоступными товары делают теперь цены. Эта проблема обострилась чрезвычайно.

Кроме того, психологически людей очень давит вероятность безработицы. В последнем нашем опросе безработными назвали себя 4,5% (раньше эта цифра колебалась вокруг 1%). Утвердительно отвечают и на вопрос, увеличилось ли количество безработных в вашем окружении. Около 40% считают вероятным для себя потерять работу. И хотя среди проблем, волнующих людей, безработица сейчас не среди лидеров (первое место занимают высокие цены, второе — преступность), чувствуется, что это психологически очень давит.

«ОНС» А можете ли вы назвать примеры того, что до 1992 года людей сильно волновало, а сейчас — не очень?

Т. З. Проблемы экологии раньше были на довольно высоком месте. Сейчас экологическая ситуация ничуть не улучшилась, скорее — наоборот, но сама эта проблема в сознании людей вытеснена более острыми.

«ОНС» Значит, вы констатируете негативную оценку населением хода реформ?

Т. З. Здесь я бы не давала столь категоричный ответ. Ситуация не вполне однозначна. Если посмотреть динамику ответов в течение года, то можно увидеть, что на вопросы о том, стала ли экономическая ситуация лучше или хуже, значительно чаще следует ответ — хуже. Казалось бы — сплошной пессимизм. Тем не менее на вопрос: «как вы считаете, надо ли продолжать реформу», большая часть (57% — и это очень устойчивая цифра) отвечает утвердительно. Это, конечно, отражает терпение народа, и не знаю, как долго такое положение еще будет продолжаться. Но данные эти показывают: люди все-таки верят, что раз уж мы пошли в этот «поход», надо идти до конца. А, кроме того, старая экономическая система слишком сильно себя дискредитировала. И поэтому на вопрос о том, не лучше ли было бы нам вернуться к старой системе, утвердительно отвечают от 15 до 20%. Хотя нельзя не отметить и то, что цифра эта медленно растет.

Есть еще один тревожный симптом. Мы задавали такой вопрос: как вы думаете, не лучше ли было, если бы в 1985 году перестройка не начиналась, а все оставалось по-старому? В первый раз такой вопрос мы задали примерно два года назад и получили примерно 20% положительных ответов. Сейчас же эта цифра превысила 40%. Столько же отрицательных ответов, остальные затруднились ответить. Значит, хотя народ и проявляет исключительное терпение, усталость нарастает, и если вспомнить о том, что я уже говорила, о недопустимости снижения уровня жизни больше, чем на 30%, а к концу 1992 года он снизился на 45%, то понимаешь весь драматизм ситуации. При этом главная драма наша заключается в том, что снижается производство, и я не вижу реальных путей для того, чтобы остановить этот процесс, не видно социального механизма, который был бы способен изменить ситуацию.

Конечно, разные социальные группы оценивают итоги реформы по-разному. Это естественно: без противоречий, без противостояния каких-то групп не может быть и развития. Есть ли у нас сегодня основания для паники? У меня лично ощущения такого нет. Но так как панические разговоры время от времени усиливаются, мы начали включать в наши обследования вопросы, которые позволили бы установить степень социального напряжения, взры-

воопасности ситуации. И выясняется, что пока все же господствует довольно спокойное настроение. Кроме национальных окраин, разумеется.

«ОНС» В переломное время, какое сейчас переживает Россия, очень важно исследовать динамику процессов. Не могли бы вы рассказать о работах ВЦИОМ по созданию мониторинга экономической реформы?

Т. З. Общественное мнение об экономической реформе ВЦИОМ начал изучать осенью 1989 года. Если вы помните, тогда академик Л. Абалкин вошел в правительство Н. Рыжкова. Готовилась научно-практическая конференция, на которой должна была быть представлена программа преобразований экономики, а нас попросили провести опрос общественного мнения. Это было сделано, и с тех пор в течение трех лет ВЦИОМ проводил такие исследования. Но были они разрознены и в известной мере случайны, все зависело от заказов — по безработице, по проблемам уровня жизни и т. д. Разные оказывались временные интервалы между опросами: иногда месяц, иногда полгода или год. То есть и во времени, и в направлении, и в пространстве исследований очень много было случайного. Скоро мы поняли, что необходимо повторять одни и те же вопросы, чтобы отслеживать динамику. В итоге возникло много частичных «авторских» мониторингов. Например, политический мониторинг. Население ежемесячно опрашивается о политической ситуации, выявляются рейтинги ведущих политиков и т. п. Есть мониторинги уровня жизни, рынка труда, целый ряд других. Причем вопросы мониторингов скрыты у нас внутри общей анкеты, где, скажем, из 70 вопросов 5 — мониторинговых.

Вот на этой базе у нас возникла идея сделать единый, целостный *социологический мониторинг экономической реформы*. Конечно, он потребует больших затрат, но зато позволит решить ряд новых задач. Прежде всего мы сможем устранить (или хотя бы смягчить) имеющиеся сегодня важные недостатки в информационно-социологическом обеспечении экономической реформы — уйти от той случайности во времени, в предмете, в пространстве, о которой я говорила. Очень важно придать исследованиям регулярный характер. Но главное для нас — комплексно подойти к этому вопросу не «снизу», а «сверху», не «от заказчика», а «от ученого», сознательно построить исследовательскую структуру предмета «Экономическая реформа, общество и человек», т. е. определить, как, какими сторонами экономическая реформа сильнее всего задевает людей. Естественно, вряд ли есть смысл проводить опросы, касающиеся тех сфер реформы, в которых большинство наших сограждан просто некомпетентны, например по вопросам финансового регулирования. Это не вопрос общественного мнения (хотя мнение о финансовой политике у населения, конечно, может быть). Но есть множество вопросов, на которые лучше самих людей никто не даст ответа. И наша задача — построить на этой основе целостный предмет, разделить социальные процессы, которые мы отслеживаем в связи с экономической реформой, в зависимости от скорости их протекания на быстро, средне и медленно текущие. Соответственно, первые потребуют проведения 1—2 опросов в месяц, для вторых лучше ежеквартальные опросы. Медленно текущие процессы, которые отражают, как правило, самые важные результаты реформы (перестройку социальной структуры, системы ценностей, социальных ус-

тановок, представлений о социальной справедливости), достаточно отслеживать раз в год.

Создав систему мониторинга, мы сможем обеспечить и комплексность информационного обеспечения реформы, и регулярность поступления информации, и ее достаточную свежесть. Приходится повысить требования к репрезентативности наших опросов. Для новых целей уже не достаточны традиционные выборки по полу, возрасту, регионам, типам поселений и т. д. Мы должны репрезентировать и социальные сектора экономики — государственный, частный, смешанный, — и определенные социально-профессиональные группы (предпринимателей, руководителей предприятий, руководителей местной власти, экспертов).

«ОНС». Можно ли сказать, что работы по мониторингу знаменуют переход самого ВЦИОМ на более высокую ступень?

Т. З. Конечно. Начиная исследования по мониторингу, ВЦИОМ фактически получает второй годовой объем работ. А ведь у нас очень много заказов. Сильно увеличится нагрузка у наших отделений, ведь работы по мониторингу предполагают строгое соблюдение календарного плана, график, ритм. Здесь идея «фабрики информации» доводится до логического конца.

«ОНС» Как можно будет познакомиться с результатами работ по мониторингу экономической реформы?

Т. З. Мониторинг будет иметь два конкретных выхода. Во-первых, ежемесячно будет издаваться информационный бюллетень с главными результатами. В течение года нами предполагается его бесплатная рассылка. Мы хотим, чтобы все оценили пользу этого дела. А так как сейчас многие исследовательские коллективы испытывают серьезные финансовые трудности, мы не хотим, чтобы получение информации было поставлено в зависимость от этого фактора. Во-вторых, мы приступаем к созданию банка данных на современном западном уровне, предполагающем большую легкость его использования, обеспеченность всеми сервисными программами, взаимной связью с западными банками данных. Банк данных мониторинга должен быть на определенных условиях открыт для исследователей. Конечно, помимо двух основных каналов выхода результатов работ по мониторингу будут также готовиться аналитические доклады и записки правительству. Но это уже не функция собственно мониторинга.

«ОНС» То есть свой мониторинг экономической реформы вы прежде всего хотите поставить на службу ученым, познающим особенности нашего общества?

Т. З. Да, тем более что, как мне кажется, у нас есть достаточно оснований считать: мы по-прежнему реально не знаем ни своего общества, ни своей экономики. Правда, в последнее время, по-моему, появляются и отрадные тенденции. Сейчас образовалось несколько научных коллективов, которые концентрируют свои усилия на познании нашей реальной экономической системы. Ведь большинство ее описаний делались давно, а инерция науки все-таки огромна. Например, описания того, что такое административно-командная система, как она функционировала, по сути, не соответствуют действительности. Вот эти новые коллективы и пытаются изучить и то, что на самом деле у нас было, и то, что есть сейчас,

каковы реальные отношения в экономике. Ведь, скажем, западный специалист может изучать наше законодательство и на этом основании строить свои гипотезы. Но мы ведь знаем, что у нас в действительности все происходит отнюдь не в соответствии с писанными законами. Причем, главное здесь не то, что люди не придерживаются правил и условий, которые предположительно должны выполняться, а то, что происходит масса процессов, работает масса связей, которые вообще ни в каких законах не оговорены и даже не предполагаются. Здесь и коррупция, и сращивание коммерческих структур с государственными органами, и личные связи, и прямые обмены, и бартер, и т. д. и т. п.

«ОНС» Какие из новых исследовательских групп вы могли бы выделить?

Т. З. Прежде всего я бы отметила ЭПИЦентр под руководством Г. Явлинского. Их работа в Нижнем Новгороде, нашедшая отражение в книге «Нижегородский пролог», — очень серьезное, глубоко продуманное, беспощадно критическое, но и носящее весьма конструктивный характер исследование. С большим интересом я слежу за работой Института национальной экономики В. Найшуля, который также очень озабочен познанием того, что было у нас на самом деле, выступает с теорией так называемого «бюрократического рынка». Важные исследования по проблемам смешанной экономики проводит отдел Л. Никифорова в Институте экономики РАН. У них та же идея: понять, как устроено наше общество сегодня, чтобы уяснить, в каком направлении может дальше развиваться эта система. Ведь если быть точным, мы пока так и не имеем научного ответа на вопрос, способно ли наше общество развиваться в сторону либеральной капиталистической экономики. А если нет, то в какую сторону оно может развиваться, чтобы стать лучше, эффективнее и людям жилось лучше?

«ОНС» Здесь задача исследователя, очевидно, усложняется также тем, что ситуация очень динамична. Надо учитывать разность состояний, скажем, в 1991 и 1992 годах.

Т. З. Конечно, надо все время смотреть, что реально происходит, отслеживать динамику. Общество — это движущаяся система. Но надо понять, куда оно движется, и помогать реальным тенденциям, а не тянуть его насильно в другую сторону. И еще один вопрос надо решить: как развернуть всю систему в нужном направлении, если сделать это возможно?

«ОНС» А как вы оцениваете состояние в отечественных общественных науках?

Т. З. Здесь у меня взгляд совсем не пессимистический. Если вы помните, в начале перестройки был огромный запрос со стороны властей к общественным наукам — помогите, осмыслите, дайте рекомендации... Тогда сложилось впечатление, что наша общественная наука просто импотентна. Ученых, работавших в стол (как многие писатели), оказалось мало, да и многое, вынутое из столов, было неадекватно ситуации: например, обосновывалась необходимость движения общества в одну сторону, а оно пошло в другую (эти работы ведь все-таки довольно абстрактно делались). Свою роль сыграли и настроения, что перестройка

продлится 3, максимум — 5 лет, и нет смысла начинать новые фундаментальные исследования.

«ОНС» Тогда на первый план вышла публицистика.

Т. 3. Она, конечно, отразила то, что было к этому времени наработано. Но в то же время в течение нескольких лет у меня было впечатление, что фундаментальные исследования фактически остановились. С одной стороны, потому что многие ученые непосредственно окунулись в политическую деятельность, а с другой — стали сказываться экономические проявления кризиса науки, недостаток финансирования и т. п. (фундаментальные исследования — вещь дорогая). Казалось, были все основания говорить о глубоком кризисе науки. Ведь и парадигма исследований ломалась полностью, нельзя было двигаться в тех направлениях, которые по инерции развивались, а для ответов на актуальные вопросы не хватало методологической базы.

Но сегодня, когда с того времени прошло уже 8 лет, стало очевидным появление ростков зелени на той «выжженной земле», какой представлялась мне наша общественная наука вчера. Как я уже говорила, появляются новые исследовательские коллективы: частично — совсем новые, частично — ранее существовавшие, но сумевшие адаптироваться к новой действительности.

«ОНС» Нашим ученым долго мешали, по-моему, и идеологическая зажатость, и фактический отрыв от достижений мировой науки.

Т. 3. Да, изолированность отечественной науки от западной была одной из очень больших слабостей. Ведь общественные науки, как и науки естественные, не носят локального характера. Безусловно, есть общечеловеческие закономерности, и только на мировом уровне наука может по-настоящему двигаться. Естественно, в последние годы у нас очень интенсивно шел процесс освоения мирового богатства. Потому и в исследованиях поначалу было много ученичества. Был этап осмысления, обучения, когда человек понимает что-то прежде всего для себя, а исследования носят нередко вторичный характер. Сейчас для тех коллективов, о которых я говорю, этот этап уже позади. Сегодня на передний план выходит ощущение уникальности, неповторимости нашей ситуации. Какие-то методологические идеи мировой науки в ней могут использоваться, но никакое прямое копирование результатов в России просто невозможно. И новые коллективы, вооруженные знанием современного состояния науки, ведут исследования оригинального характера. Кстати, для всех таких коллективов характерна тесная связь с западным научным сообществом — участие в научных обменах, конференциях, семинарах и т. п.

«ОНС» То есть речь идет о полноправном вступлении в мировое научное сообщество?

Т. 3. Совершенно верно. Нормальное, здоровое вступление с привлечением новых выводов в мировую науку, обогащение ее собственным опытом, собственными результатами.

«ОНС» Такое общение предполагает и поиск его организационных форм. Одной из таких форм станет Междисциплинарный академический центр социальных наук или, как его чаще называют, Интерцентр?

Т. З. Да, такой центр открывается в ближайшее время. Это будет очень небольшая организация со штатом сотрудников не более 20 человек. Сопредседателями центра стали Теодор Шанин (профессор Манчестерского университета, гражданин Великобритании) и я. Наша главная цель — содействовать развитию общественных наук в России. Предполагается создание не только собственно исследовательского центра, но и Фонда помощи социальным наукам, а также Московского академического клуба, призванного объединить ученых нашей проблематики. Сейчас мы привлекаем к сотрудничеству наиболее перспективные, с нашей точки зрения, группы, коллективы, отдельных ученых, оказываем им посильную помощь. В нашей работе участвуют, например, историки В. Данилов и С. Красильников, политолог Л. Арутюнян, этнолог А. Гинзбург, экономисты В. Найшуль, В. Радаев, многие другие. Работа Интерцентра только начинается, но думаю, что она будет интересной и полезной.

«ОНС» И хотелось бы, чтобы такие исследования оказали свое благоприятное воздействие на ход экономических реформ.

Т. З. Конечно, это общее желание. Но здесь ведь вперегонки со временем приходится идти, потому что выводы, советы, рекомендации ученых нужны сегодня, а не послезавтра. А серьезные ученые в общем-то не склонны давать рекомендации до того, как исследования закончены. Ведь поспешность в таком деле может иметь и обратный результат.

© Т. Заславская, Н. Плискевич, 1993

Интервью записано 9 февраля 1993 года